

КУРЬЕР КУЛЬТУ

Его удел сегодня — этого яркого, жизнелюбивого человека — две красивые роли в театре, играемые время от времени, скромная пенсия, которой якобы хватает на жизнь, скромные аплодисменты литовской публики. Полгода — дома, полгода — на гастролях, сын — режиссер, внук — артист, позади — богатая биография с "Мертвым сезоном" и "Солярисом", впереди...

Руководитель театра господин Тересас уверен, что Банионис — это проба. Как на кольце.

— Через год артисту — 80; мы не знаем, как судьба повернется. Понимаете?

Да уж куда понятнее. Сцена из "Золотого озера", когда Норман Тэйер и его жена Этель (Донатас Банионис — Гражина Урбонавичюте) посылают воздушные поцелуи дивному месту, на котором они провели вместе сорок лет... смотрятся как прощание. И... прощание.

— Господин Банионис, этот спектакль ставил ваш сын Раймондас; в роли мальчика — Билли — ваш четырнадцатилетний внук Витас. Как сложилось это артистическое трио?

— Скажу о сыне. Его появление в качестве театрального режиссера, конечно, не случайно, но нельзя сказать, что оно так уж от хорошей жизни. Райма учился во ВГИКе на кинорежиссера. А в Литве нет кино. Не делается. Что говорить: один-два фильма за десять лет! Только в театре и остается работать. Ну, еще на телевидении. Однако Райма вырос в театре. Но до "Золотого озера" театральной практики у него не было. И вообще за спектакль сначала взялся совсем другой режиссер. Но так случилось, что он заболел и скоро умер. А пьеса-то хорошая. Мирового масштаба. Фильм помните с Генри и Джейн Фондой? Вот так. А Райма тогда как раз был свободен, ничего не снимал. Я попросил его довести спектакль до конца.

— И как же строились ваши отношения?

— Мы кое о чем спорили — все-таки разные поколения, но никогда не ругались. Школа-то все равно идет от Мильтиниса, Райма не избрелал какого-то нового радикального направ-

Марку "Банионис"

ТЕПЕРЬ ДЕРЖАТ ВНУК И СЫН

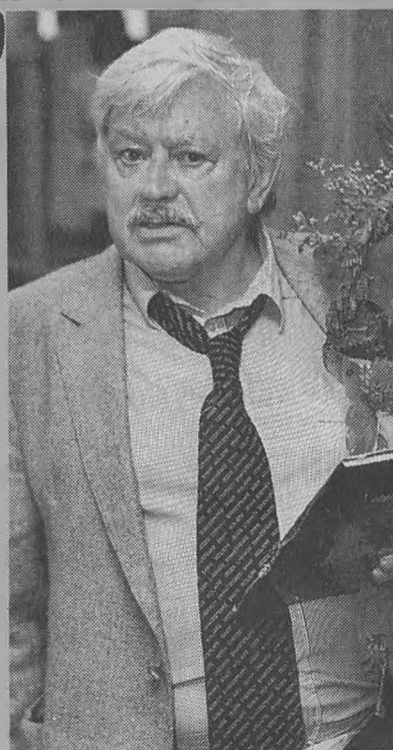
ДОНАТАС БАНИОНИС:
"И Я ОТВЕЧАЛ:
"НЕТ-НЕТ, Я — ЗА ЦК! Я — ЗА!"

На фестиваль городов-побратимов в подмосковные Мытищи буквально на три часа заехал Театр имени Юозаса Мильтиниса из Паневежиса — литовской театральной мекки, столь известной всем и вся в артистическом мире. На сцене этого театра Донатас Банионис представил свыше ста ролей, если быть точным — 116. В Мытищах на спектакле "На золотом озере" побывал Ян СМЕРНИЦКИЙ.

ления. А то знаете, какой сейчас театр? Посмотришь: Чехов — не Чехов, Шекспир — не Шекспир. Актера с улицы принимают. "Хочешь играть?" — "Хочу!" — "Ну на тебе Гамлета!" Нет, это театр не актера, а постановщика... где дождь там, дым, огонь и тела голые!..

— Как думаете, сын продолжит театральную карьеру?

— Недавно в Клайпеде он поставил два неплохих спектакля — драму и оперу. Если будет

КАТЯ ГАЙКА

— Хотелось бы спросить о непростых политических отношениях между Прибалтикой и Россией. Вы говорите на русском с сильным акцентом, ваш внук и вовсе не знает ни слова по-русски...

— Знаете, к политике я не хочу иметь никакого отношения. Я пережил трагические времена. Тогда, в сороковых, подошел ко мне как-то функционер из ЦК, просил подписать письмо против современных на тот момент композиторов, писателей... И говорит мне: "Сам товарищ Жданов против них! Подпиши!" А я: "Да как же можно подписывать, если я не слышал этой музыки, например Прокофьева, не читал произведений?..." — "Ничего страшного. Видишь, сторож напротив нас сидит? Он вообще глухой старик, ничего не понимает и не может слышать музыки. Но даже он подписал. А ты, интеллигент, — и против ЦК?" А в ту пору за "против ЦК" можно было сами знаете где очутиться... Я и отвечал: "Нет-нет, я — за ЦК! За!" И подписывал. Не хочу повторять этих ошибок.

— У вас остались друзья в России, кто-то из известных артистов? Встречаетесь с ними?

— Очень редко. Очень. Иногда с Наташей Бондарчук. В Петербурге — с Кириллом Лавровым. Так, время от времени. А постоянной связи нет. Но уже многие, с кем работал когда-то, ушли из жизни. Как ни посмотришь — снова кто-то умер.

Почти одновременно с рождением в Паневежисе "Золотого озера" с Банионисом в главной роли тот же спектакль пошел в Москве, в Театре имени Моссовета, на сцене "Под крышей". В московском варианте роль "большого старика" играл Георгий Жженов. Странная пьеса — не динамичная, без стрельбы, драки, большой любви. Одно озеро и какие-то люди по его замкнутому берегу... Озеро приоткрыло их в последний раз, на последний разговор: "Вот я все думаю, что я понял в этой жизни за восемьдесят лет? Да так... ничего особенного..."

держат это качество, ему есть смысл продолжать дальше.

— Что для вас важно в жизни? Деньги, например.

— Деньги мне не важны. Пенсии как-то хватает, и более о них я не задумываюсь. Зритель? Зритель очень важен добродушный, воспринимаящий искусство не спекулятивно, а душой. В этом смысле российский зритель лучше, чем литовский.